

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ Мариса Янсонса и Баварского оркестра

В Россию приехал Марис Янсонс. В рамках фестиваля имени Мстислава Ростроповича он даёт два концерта в Москве и один в Петербурге. На этот раз maestro, у которого два детища – нидерландский Концертгебау и Симфонический оркестр Баварского радио, привёз мюнхенцев. Первый концертный день прошёл в Большом зале МГК им. Чайковского.

Оркестр Баварского радио под управлением Мариса Арвидовича в двух отделениях исполнил Шестую симфонию Шостаковича и Первую («Фантастическую») Берлиоза. Исполнил феерично и при этом – в меру темпераментно, хотя, как признавался сам дирижёр в одном из интервью прошлых лет, русский зритель по своему менталитету склонен приветствовать излишнюю эмоциональность и «аффектацию» в игре, как нечто должное. Сегодня оркестр, впрочем, как и всегда, удержался на этой тонкой грани и встретил восторженную реакцию публики. Но об этом позже.

Многие годы семьи Ростроповича и Янсонса связывает крепкая дружба. В память Мстислава Леопольдовича была выбрана и сыграна Шестая симфония Дмитрия Шостаковича.

Кому, как не Янсонсу, полжизни проведшему в Петербурге, знать и любить Шостаковича? А ещё он умеет хорошо его играть. Шостаковический дух не покидал Большой зал в течение всего первого отделения. Трёхчастная композиция симфонии, нетрадиционная, но вполне обычная для Шостаковича, была воспринята как единое целое. Лирическая первая часть звучала вдохновенно, с постепенным внутренним нарастанием и напряжением. Возможно, на высоких нотах не хватило надрыва у струнных, но с другой стороны, чувства здесь завуалированы, они переживаются где-то глубоко внутри и обнаруживают себя, возможно, лишь в партиях солирующих духовых. А все соло духовых – кристальны. Каждая музыкальная интонация была прослушана и наполнена смыслом. Не было в чём-то скучного для нашего слушателя, выверенного «немецкого» звука, шла живая и подвижная линия, а партия каждого инструмента свободно и гармонично в эту линию вливалась. Динамика в оркестре потрясающая. В первой части на пиано были прекрасно слышны все фактурные пласты и при этом каждый инструмент в отдельности. Запомнилось трепетное пианиссимо альтов и виолончелей. Долгие заливочные ноты были далеки от монотонного формального звука. А во второй и третьей частях динамическая концентрация была доведена до предела.

Не было и «инерционности», когда музыканты, играя следующий такт, всё ещё думают над предыдущим... Неудивительно, что оркестр Баварского входит в десятку лучших коллективов мира.

Вторая и третья части интонационно очень близки, обе скерцозны, обе включают в себя обширный слой жанрово-бытовых интонаций в сочетании с лирическими. Вторая была сыграна так же динамически точно, остроумно, иногда надрывным, почти истерическим звуком. Переход к героике осуществился очень органично и стилистически точно. Блеск, остроумие и сарказм в финале были выше всяких похвал. Всё слышно: вот тут советская массовая песня, вот тут «марш колхозников»... При всём этом сдержанность ни на минуту не покидала немецких музыкантов.

«Фантастическая» симфония Гектора Берлиоза вызвала ещё более бурные овации. Если после первого отделения дирижёра вызывали дважды, то после второго вовсе не хотели отпускать со сцены, неистово аплодируя. И при таком приёме, придётся заметить, в зале были свободные места, что очень грустно, хотя на втором отделении публики прибавилось. Наверное, всему виной столичные пробки, мешавшие слушателям попасть на вечер вовремя.

Берлиоза оркестр играл с чувством выполненного долга. Музыканты, сконцентрировавшиеся на Шостаковиче, «Фантастическую» исполняли совершенно легко, на творческом подъёме, порой даже слишком спокойно. Вдумчивое начало первой части сменилось мечтательной романтической радостью. Тема возлюбленной звучала нежно и возвышенно, но ни единожды, ни в одной части не приторно, как иногда её можно услышать.

Вторая часть порадовала благородством интерпретации. Порой тему вальса играют в точности как музыку Иоганнов Штраусов, но ведь очевидно, что тема занимает важное место в смысловой линии всей симфонии, это не дивертисмент, не просто танец, а одна из граней целого драматургического комплекса, поэтому рассматривать её надо в контексте целого. У Янсона вальсовая тема, к счастью, совсем не слушалась посторонним вставным танцевальным номером.

«Сцена в полях» была блестяще сыграна духовыми. Оркестр медленней, чем обычно, начал эту часть и полностью успел погрузить слушателя в пасторальную атмосферу. В развитии мастерски провели свою линию струнные, не пропустив ни один динамический оттенок. Фантастика! Шествие на казнь было, правда, чересчур торжественным и весёлым, будто бы романтический герой горделиво упивался своим исключительным положением. Но, наверное, это субъективное впечатление. Оркестр, ранее погружённый преимущественно в лирику, продемонстрировал небывалую героику и

триумфальность: дирижер только здесь позволил подопечным развернуться во всю силу звука.

Заключительная часть симфонии достойно завершила вечер. Начальные пассажи струнных на пианиссимо прозвучали легко, непринуждённо и в то же время затаённо. Все последующие разделы, как и положено, уже не несли на себе той тонкой печати благородства, что была слышна в первых четырёх частях. Осталась сплошная карикатура, отчаянный сарказм. Янсонс и оркестр перевоплотились с огромным мастерством.

На бис оркестр Баварского радио преподнёс вторую часть из фа-мажорного квартета Йозефа Гайдна. Перевоплощение продолжалось. Филигранно и тонко оркестранты провели трепетную линию этой чудесной музыки.

После несмолкающих аплодисментов Марис Арвидович повернулся к зрителям и объявил, что посвящает заключительный бис Мстиславу Ростроповичу – и блистательно-сыграл Антракт между 6 и 7 картинами оперы Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

Ангелина Шульга